

Я. Р. ДАШКЕВИЧ

(Львов)

АРМЯНСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ ВО ЛЬВОВЕ

В 60—80-х гг. XVII в.

(Протоколы армянского совета старейшин как исторический источник)

Представление об автономии средневековых армянских колоний на Украине, которой они пользовались со времени Киевского и Галицко-волинского государств, ассоциируется в первую очередь с комплексом пожалованных им привилегий юридического, экономического и религиозного характера. Из всех внешних признаков автономного ~~строения~~ колоний наиболее глубоко исследованы вопросы, связанные с деятельностью армянского суда и с историей армянской церкви. Внимание исследователей в первую очередь привлекали те стороны жизни армян, которые своей восточной спецификой резко выделялись на фоне социально-экономических отношений, господствовавших в средневековых городах Украины. Внутренняя жизнь колоний, для освещения которой сохранилось, по существу, очень мало источников, до настоящего времени остается вне поля зрения историков.

Очень поверхностно освещен, в частности, вопрос о структуре и характере местной армянской администрации — о работе органов самоуправления, о компетенции их деятельности, о той реальной власти, которая осуществлялась ими в пределах общин. Все эти вопросы тесным образом переплетаются с проблемой изучения социальной структуры колоний, ожидающей еще своего разрешения.

В связи с изучением самоуправления армянских колоний необходимо обратить внимание на ценнейший источник — протоколы заседаний совета старейшин львовской армянской общины 1668—1686 гг. — который в значительной мере обогащает наши представления о внутренней жизни колоний во второй половине XVII в.

В Львовской научной библиотеке Министерства культуры УССР хранится рукописная книга «Протоколы дел управления львовских армян с 1668 по 1686 год»¹. Название это надписано почерком первой половины XIX в. — в тексте самой книги она упоминается под различными латинскими заглавиями, напр., «Acta regiminis et ordinis Armenorum Leopoliensium» («Акты управления и порядка львовской армянской

¹ Отдел рукописей, фонд Оссолинских, № 1723 II — «Protokut spraw regiminis Armenorum Leopoliensium ab anni 1668 ad 1686». В дальнейшем указываются листы книги без упоминания ее названия.

нации»), «Acta boni regiminis» («Акты хорошего управления»), «Protocol regiminis et ordinis» («Протокол управления и порядка»). Протоколы — это хорошо сохранившаяся книга, из плотной бумаги в пол-листа, с различными водными знаками того времени, объемом в 121 лист, в основном покрытый записями с двух сторон. Листы 1—118 заполнены протоколами заседаний совета старейшин львовской армянской общины, на лл. 119—121 имеются различные записи (краткий перечень содержания книги, записи хозяйственного характера и т. п.). Наряду с протоколами заседаний в книгу внесены заявления отдельных лиц, адресованные совету, а также копии документов, отдельные памятные записи. Самая ранняя запись сделана 12 марта 1668 г. (перечень долгов города Львова армянской общине, л. 120), однако она не связана с протоколами. Регулярные записи о заседаниях совета открываются протоколом от 13 июля 1668 г. и кончаются протоколом от 25 апреля 1686 г. Почти все записи сделаны одним почерком — рукой писаря совета. На многих страницах сохранились оригинальные подписи членов совета или других лиц. Все (кроме одной) записи сделаны на польском актовом языке XVII в., со значительной примесью латинской юридическо-административной терминологии и фразеологии. Имеется одна запись (л. 95) на латинском языке. Среди подписей встречается одна — единственная (подпись купца Асвадура Минязёвича²) армянскими литерами: *Ասվադուր արքի Մինյազիւի* (л. 50). В книге имеется 267 записей о заседаниях совета (включая в это число копии нескольких юридических актов). Писарь Ян Лыськевич вел книгу довольно неряшливо. Только несколько наиболее «торжественных» записей (напр., об избрании старейшин) сделано каллиграфическим почерком, остальные носят черновой характер. В ряде случаев в протоколах пропущены фамилии лиц или денежные суммы, о которых идет речь. Иногда сделана только отметка, что заседание состоялось — оставлено место для внесения протокольной записи. Пропуски писарь предполагал заполнить позже — однако это никогда не было сделано. В результате небрежности писаря в книге возникло 11 чистых страниц. К тому же записи 1680—1682 гг. не имеют хронологической последовательности.

Судьбу уникального источника можно проследить довольно подробно. В 60—80-х гг. XVII в. и позже — вплоть до ликвидации армянского самоуправления во Львове в 1784 г. — он находился в канцелярии и архиве общины. В конце XVIII в. весь архив общины очутился в резиденции львовского армянского архиепископства. Акты валялись там без

² В соответствии с произношением западноармянской группы диалектов это имя и фамилия переданы в протоколе как Aswadur Miniaziowicz. При передаче имен и фамилий львовских армян мы сохраняем то фонетическое оформление, которое дается в источнике. Армянская и армяно-половецкая терминология, употреблявшаяся в колониях на Украине, тоже передается в соответствии с местными западноармянскими особенностями.

надзора и основная часть их погибла³. Только в 50-х гг. XIX в. за изучение уцелевших рукописей принялся видный армянский историк, лучший в это время знаток армянской старины на Украине, С. Баронч. В 1867 г. некоторые рукописи из архива архиепископства — в том числе и протоколы 1668—1686 гг. — были переданы в рукописный отдел библиотеки Национального института им. Оссолинских во Львове — в составе того же рукописного фонда книга хранится и сейчас — в Львовской научной библиотеке Министерства культуры УССР.

С. Баронч был не только первым, но и единственным исследователем, который предпринял попытку использовать протоколы как исторический источник⁴. За последующие сто с лишним лет, которые прошли со времени использования Барончем протоколов (свои выписки он делал в 50-х гг. XIX в.), к ним, как это ни странно, не обращался ни один из многочисленных историков, занимавшихся исследованием прошлого армянских колоний на Украине.

В данной статье, на основании материала протоколов, делается попытка осветить главные вопросы, связанные с деятельностью армянского совета старейшин в 60—80-х гг. XVII в. В источнике нашла подробное отражение работа органа самоуправления — вместе с тем на содержание и характер документа в значительной мере повлияли условия существования колонии во второй половине XVII в.

60—80-е гг. XVII в. — очень бурный период в истории Украины, которая являлась ареной ожесточенной борьбы между Турцией, Польшей и Россией. Ориентировавшиеся на различные внешние силы украинские гетманы и претенденты на гетманский престол безуспешно пытались укрепить украинскую государственность, возрожденную Богданом Хмельницким, и в лучшем случае добивались всего лишь только сохранения ограниченной автономии части территории страны. Национально-освободительная борьба украинского народа всегда получала поддержку со стороны основной массы проживавшего тогда на Украине армянского населения.

Западноукраинские земли с их столицей — городом Львовом все еще находились в составе Польской Речи Посполитой, переживавшей период

³ Неприглядную обстановку, господствовавшую в этом архиве, рисует армянский историк Ф.-К. Захариасевич. См. его же, *Wiadomości o Ormianach w Polsce*, „Biblioteka Naukowego Zaktadu Im. Ossolińskich”, t. 2, Lwów, 1842, стр. 97.

⁴ *S. Baracz, Żywoty stawnych Ormian w Polsce*, Lwów, 1856. Протоколы упоминаются на стр. 34, 15, 76 и др. *S. Baracz, Ormlanie w Polsce*. В его же кн.: *Rys dziejów ormiańskich*, Tarnopol, 1869, стр. 124—130. При сопоставлении данных источника и сведений, которые на его основании сообщил Баронч, обнаружилось, что исследовательская методика последнего была далеко не безупречной. Так, напр., даты отдельных событий он (без каких-либо оснований для этого) отождествлял с датами заседаний совета, на которых упоминались данные события; намерения совета действовать в определенном направлении — принимал за совершившиеся факты. Разница между датировкой Баронча и действительными датами событий достигает иногда нескольких лет. В связи с тем, что сообщения Баронча были некритически восприняты последующими историками фальшивая датировка бытует в трудах, посвященных истории львовской колонии до сих пор.

экономического упадка и политического кризиса. Бесперывные войны привели к упадку торговли и промышленности, к сокращению городского населения, усилению феодальной децентрализации в государстве.

Все эти события и процессы не могли не отразиться на состоянии армянских колоний. В 1660 г. прекратила свое многовековое существование армянская колония в Киеве⁵. Турецкая агрессия на Украину в 60—70-х гг. явилась причиной разгрома экономически сильных колоний на Правобережной Украине. В 1672 г. турки захватили Каменец Подольский, и основная масса армян этой, одной из самых древних колоний, оставила город. Тогда же из осажденного турецкими войсками Львова были угнаны в заключение заложники — среди них тоже представители львовской армянской общины (лл. 35, 51). В 1676 г. прекратилось существование колонии в городе Язловце. Украинский народ с большим сочувствием отнесся к бедствиям армян⁶.

Почти непрерывные тридцатилетние военные действия на территории Украины и близлежащих стран подорвали экономическое могущество колоний, базировавшееся на их посреднической роли в торговле между Востоком и Западом. Экономические основы существования даже такой, столь безусловно сильной и богатой колонии, как львовская, были расшатаны. Торговые пути на Восток оказались перерезанными. Местное армянское ремесло, рассчитанное в основном на изготовление предметов роскоши, постепенно, но неуклонно приближалось к своему закату. Львовская община вынуждена была отказывать своим кредиторам в удовлетворении их денежных претензий, члены общины отказывались платить регулярные сборы и процентные взносы (лл. 45, 53, 56, 63 и др.). Тяжелое экономическое положение армянских колоний на Западной Украине усугублялось еще тем, что польский католический патрициат, захвативший в свои руки управление большинством западно-украинских городов, всячески притеснял иноверцев-армян. Во Львове городское управление стремилось ликвидировать армянское самоуправление и тем самым уничтожить конкурентную способность армянских купцов и ремесленников.

Наступление на колонии велось при помощи самых различных средств. Католическая церковь, прочно удерживавшая ключевые позиции в государстве в своих руках, резко выступала против хотя бы самой примитивной веротерпимости. Ее удары обрушивались также на армян, в основной массе своей (несмотря на формально установленную еще в 1630 г. львовским армянским архиепископом М. Торосовичем унию с Римом) придерживавшихся армяно-григорианского вероучения. Часть зажиточной армянской купеческой верхушки, рассчитывавшей сохранить

⁵ По указу царя Алексея Михайловича армяне вместе с другими жителями-неправославными были изгнаны из Киева (см. Ю. Закревский, Описание Киева, т. I, М., 1868, стр. 592).

⁶ На тяжелое положение армян в захваченном турками Каменце обратили внимание украинские козацкие летописцы того времени. См. Летопись Самовидца по новым открытым спискам..., К., 1878, стр. 117; Г. Грабянка, Дійствія презильної и от начала поляков кривавої брани Богдана Хмельницького..., К., 1854, стр. 207).

свои экономические привилегии после перехода на унию (и одновременно получить уравнение в правах с католическим населением городов), активно выступила на стороне проримской клерикальной группировки. Однако и это не приносило желаемых результатов. За сохранение своих жизненных интересов, за сохранение и без того урезанной автономии приходилось вести тяжелую, упорную борьбу. 60—80-е гг. XVII в. — это годы жестокой борьбы между приверженцами древних национальных традиций и сторонниками унии, широко распахнувшими двери для волны денационализации, действительно осилившей остатки армянского населения на Западной Украине в последующем XVIII в.

В такой обстановке жила львовская армянская община, в такой атмосфере создавались протоколы 1668—1686 гг. — ценнейший источник для истории армян на Украине.

Книга протоколов дает в руки исследователя очень ценный материал, позволяющий судить о социальном составе как самой общины, так и ее верхушки (совета старейшин), в руках которой находилась административная и судебная власть. Значительную ценность для определения имущественной структуры львовской колонии имеет сохранившийся среди протоколов, составленный 15 августа 1669 г., список сбора денег на подарки по поводу предстоящей коронации Михала Вишневецкого (лл. 8—10). В списке приводятся фамилии 97 семейств. 12 из них — это семейства старейшин, остальные — рядовые члены общины, располагающие самостоятельным источником прибыли. Население, не располагавшее источником прибыли (торговым или ремесленным предприятием), равно как и служители культа, в список не занесены⁷. Каждый из перечисленных в списке горожан должен был в зависимости от своего состояния внести определенную сумму. Анализ данных списка, сравнение их с ценами и прожиточным минимумом в 60—70 гг. XVII в.⁸ дает возможность распределить армянское население города на четыре группы.

Очень зажиточные (сумма сбора 50—150 злотых)	— 17 семейств
Зажиточные (12 зл. 15 грошей — 37 зл. 15 гр.)	— 50 »
Среднезажиточные (6 зл. 7,5 гр.—3 зл. 10 гр.)	— 26 »
Бедные (2 зл. 15 гр.)	— 2 » ⁹
Сумма сбора не проставлена	— 2 »

В связи с тем, что в большинстве случаев занятия перечисленных в списке армян определяются на основании протоколов, а также других архивных и историко-литературных источников, можно установить, что к группе очень зажиточных жителей относилась купеческая верхушка,

⁷ Таким образом, 97 семейств, указанных в списке, это вовсе не общее количество армян, проживавших в 1669 г. во Львове. Кроме того, в списке перечисляются только армяне, проживавшие в пределах городских стен (на Верхней и Нижней армянских улицах). В пригородах Львова — Краковском и Подзамче — проживало значительное количество более бедных армян, в административном отношении не зависящих от совета старейшин.

⁸ Писарь общины, например, получал в 1668—1678 гг. 100 злотых в год.

⁹ Плюс неизвестное количество семейств без самостоятельных источников прибыли.

захватившая в свои руки не только наиболее прибыльные статьи торговли с Востоком, но и такие источники обогащения, как сбор податей и других государственных сборов. В числе самых богатых купцов (сумма сбора 150 злотых) встречаются: Я. Кжиштофович — суперинтендент, т. е. главный сборщик таможенных пошлин и всех других податей провинции Руссии¹⁰, К. Я. Бернатович — администратор таможенных пошлин этой же провинции, носивший титул королевского секретаря¹¹. Зажиточные армяне — это купцы и торговцы богатых («каменных») лавок, а также ремесленники более прибыльных профессий — ювелиры, лучники, сапожники. Среднезажиточные — мелкие торговцы из небогатых («деревянных») лавок и часть ремесленников — некоторые лучники и даже ювелиры, а также шапочники, мастера, изготовлявшие одеяла и т. п. Один из бедных — красильщик, профессия второго не установлена.

Список 1669 г. является подлинным ключом для определения социального характера самоуправления. Путем простого сопоставления удается установить, что в период 60—80-х гг. административно-судебная власть во львовской общине находилась полностью в руках очень зажиточной и зажиточной прослойки — в руках армянского патрициата.

Сам метод создания органа самоуправления — совета старейшин — являлся гарантией того, что власть всегда будет находиться в руках патрициата. Шумные «акты избрания» старейшин, проводившиеся «в соответствии с древними законами и привилегиями, благосклонно пожалованными светлейшими королями, милостивыми государями и согласно древним обычаям» (л. 19), не имели ничего общего с какими-либо выборами. Ежегодно в конце февраля или начале марта проводилось торжественное заседание совета старейшин, на котором фактически утверждался прежний его состав. Должность старейшины была пожизненной. Только в случае смерти кого-нибудь из членов совета на освободившееся место остальные старейшины «избирали», т. е. фактически кооптировали нового члена¹². Состав совета пополнялся почти исключительно представителями патрициата.

Совет (лат. *collegium*) старейшин, в особо торжественных случаях именовавший себя Советом армянской нации (л. 37), выполнял в первую очередь судебные функции, анализ которых не является предметом данной статьи. Потому наряду с неофициальными титулами старейшин (лат. *senior*, пол. *starszy*) его члены носили титул присяжного (лат. *iurator*, пол. *przysięcota*) суда львовских армян. В дальнейшем титулы становятся более величественными. Начиная с 1677 г. старейшины принимают титул радных (лат. *consul*, пол. *radny*), а с 1686 г., согласно королевской привилегии — титул судей (лат. *iudex*, пол. *sadowy*). На эво-

¹⁰ В ее составе находилась значительная часть западноукраинских земель.

¹¹ Существует анекдот о том, что Бернатович одолжил польскому королю Владиславу IV огромную сумму — 300 тыс. дукатов — по 100 тыс. дукатов золотыми, серебряными и медными деньгами (см. S. Baracz, *Zywoty...*, стр. 71—72).

¹² В 1676 г. из состава армянской общины выбыл старейшина Бернат К. Бернатович, получивший польское шляхетство (л. 72).

люции титулатуры отразилось постепенное упрочение положения армянских старейшин в городе, упрочение, которого в 80-х гг. добился армянский патрициат в результате упорной многовековой борьбы с городским управлением.

Совет старейшин — с административно-судебными функциями — существовал в львовской армянской общине, по-видимому, с момента ее возникновения, т. е. со второй половины XIII в., когда Львов был стольным городом галицко-волыньских князей¹³. В течение столетий менялся не только количественный состав совета (число его членов увеличилось с шести до двенадцати), но существенным образом изменились его место и роль. В 1496 г. совет был «обезглавлен» — был упразднен пост армянского войта (т. е. руководителя совета), а все его судебные функции были переданы бургомистру города — неармянину, который, как это ни парадоксально, должен был выполнять высшие судебные функции в армянском суде, руководствуясь при этом несколько видоизмененным на украинской почве «Судебником» Мхитара Гоша.

От бургомистра, являвшегося носителем интересов католического (польского и немецкого) патрициата, в экономическом и других отношениях прямо противоположных интересам армянской общины, конечно, нельзя было ожидать выступлений в защиту армян. В связи с этим в «обезглавленном» совете постепенно выдвигается на первый план новое, фактически нелегальное руководство, сохранившее в своих руках всю (кроме высшей судебной) власть прежнего армянского войта. Его функции принял на себя «ереспохан» городской церкви, т. е. руководитель церковной общины кафедрального собора «святейшей девы Марии» во Львове. Конечно, все эти превращения происходили не без ожесточенной борьбы, длившейся столетиями. В XVI—первой половине XVII вв., например, заседания совета объявлялись вне закона¹⁴. Городское управление отрицало не только наличие административных функций, но и само существование совета, не признавало его фактического руководителя — ереспохана. Тем не менее ереспохан городской церкви сохранил свои функции руководителя совета и в исследуемый период его главенствующая роль в совете никем не бралась под сомнение. Таким образом, в руках ереспохана объединилось руководство административной деятельностью совета и руководство церковной общиной. Верховная судебная власть оставалась по-прежнему в руках бургомистра¹⁵.

Руководитель совета — первый ереспохан (лат. *primarius*) — избирался вместе со своим заместителем, вторым ереспоханом, на один год —

¹³ *O. Balzer, Sadownictwo ormianskie w sredniowiecznym Lwowie, Lwów, 1909, стр. 20.*

¹⁴ *W. Tozinski, Patrycjat i mieszczaństwo Lwowskie w XVI i XVII w., wyd. 2-e, Lwów, 1892, стр. 291—292.*

¹⁵ Подобная эволюция совета не имеет параллелей в других армянских колониях на Украине, в которых (в связи с тем, что преследования, которым подвергались армяне, не были столь ярко выражены, как во Львове) институт армянского войта сохранился практически до конца существования колонии как отдельного национального организма (напр., в Каменце по 1790 г., в Замостье — по 1738 г.).

в то же самое время, когда распределялись административные функции между членами совета — т. е. одновременно с утверждением состава совета или через неделю-две после этого. Длительное время первым директором львовской армянской нации (впервые этот титул у первого ереспохана встречается в 1671 г.; начиная с 1679 г. он употребляется постоянно) был пользовавшийся большим авторитетом у современников Кжиштоф А. Захнович, который в 1648 и 1655 гг. от имени города принимал участие в переговорах с Богданом Хмельницким, осаждавшим Львов. Административные функции между остальными членами совета распределялись следующим образом. Кроме указанных двух ереспоханов (директоров), систематически избирались:

2 хранителя печати — у первого из них хранился ларчик с двумя печатями общины, у второго — ключ от этого ларчика.

3—4 хранителя церковной казны — в их состав в обязательном порядке входили два ежегодных ереспохана (директоры).

2 провизора (управляющих) общественных и церковных доходов¹⁶.

2 провизора госпиталя.

2 ереспохана монастыря и церкви св. Креста.

2 ереспохана для Луцка, т. е. для обедневшей и обезлюдевшей еще в XVI в. луцкой колонии, защиту которой и управление ее имуществом полностью приняли на себя старейшины львовской общины. В 1669 г. были назначены два ереспохана для Луцка и Киева — на этой анахронической титулатуре отразилась зависимость киевской армянской колонии от львовской, которая длилась с 1622 по 1660 г.¹⁷

В 1669—1670 гг. были назначены еще два школьных смотрителя.

Для полного укомплектования всех «ведомств» армянского самоуправления требовалось не менее 16 лиц. Иногда — когда избирались заместители или кратковременно устанавливались новые «ведомства» — количество «служащих» достигало 18 человек. В связи с тем, что «ведомства» совета комплектовались исключительно из состава старейшин (с неизменным количеством двенадцати человек), некоторые старейшины выполняли одновременно две (не считая судебной!) функции. В отличие от состава совета, изменения в котором происходили, почти как правило, только в связи со смертью его членов, функции между старейшинами распределялись в разные годы по-разному. Отдельные члены совета на протяжении нескольких лет успевали перепробовать самые различные функции.

Таким образом, в составе совета создавалось 6—8 «ведомств», каждое из которых имело свой круг компетенций, располагало определенными

¹⁶ В 1674—1675 гг. отдельно избирались еще два провизора только для доходов, получаемых с церковных сборов.

¹⁷ В 1622 г. немногочисленная армянская община в Киеве передала защиту своих прав львовским ереспоханам. См. Я. Ф. Головецкий, Выпись с книг городских воеводства Киевского, «Чтения в Имп. обществе истории и древностей российских при Московском университете», М., 1846, № 2, стр. 51—52.

ми денежными средствами, составляло собственную документацию, особенно бухгалтерского типа.

Все те старейшины, которым поручались определенные функции, становились служащими (лат. *officiales*, пол. *urzednicy*) совета — однако не получали за свою работу никакого вознаграждения. В состав служащих входили еще писарь и синдик, которые однако не были старейшинами и получали ежегодное вознаграждение. В обязанности писаря (лат. *notar*, пол. *pisarz*) зменялось ведение всего делопроизводства — протоколов заседаний совета, протоколов духовных дел (т. е. армянского церковного суда), а также каллиграфическое изготовление заявлений, жалоб, выписок из книг и другой документации. В ведении писаря находился также архив общины и небольшая библиотека, в которой были собраны рукописи и печатные книги юридического содержания — в частности сборники («дипломатариин») пожалованных армянам прав и привилегий (л. 121). Синдик (юрисконсульт) был обязан вести запутанные судебные дела общины, которых было очень много, особенно во время напряженной борьбы за сохранение армянского самоуправления и связанных с ней длительных процессов. Иногда при ведении особо сложных дел совет прибегал к услугам отдельного юриста. Резиденцию совета обслуживал слуга, основной обязанностью которого было созывать старейшин на заседание, вызывать членов общины и т. п. Недаром, кроме 30 злотых жалования и денег на одежду, он получал еще 4 пары ботинок в год (л. 121).

Совет старейшин как орган административной и судебной власти в общине всегда отражал интересы наиболее зажиточных слоев колонии, которые не могли быть выражением остальной, не столь зажиточной массы армян. Противоречия между наиболее зажиточной верхушкой и низами нашли некоторое отражение в противопоставлении двух общественных организмов в пределах колонии — совета и общины. Это противопоставление красной нитью проходит через все страницы протоколов. Община (лат. *communitas*, пол. *pospólstwo*) в целом в некоторой степени могла влиять на действия совета. При решении наиболее важных дел, требовавших единодушных действий всей колонии, старейшины вынуждены были запрашивать одобрения общины. В тех случаях, когда рассматривались вопросы, имеющие жизненно важное значение для существования колонии (напр., борьба с городским управлением, с папской миссией театинцев, посланных на Украину для распространения унии среди армян), присутствие членов общины считалось обязательным. Из практических соображений требовалось согласие общины на проведение денежных сборов — представители общины наряду с представителями совета (обычно на паритетных началах) принимали участие в составлении списков и проведении сбора. При молчаливой даже оппозиции общины о благополучном завершении сбора нельзя было и думать, несмотря на все принимаемые меры давления на членов общины. В 1681 г., когда, напр., старейшины потребовали собрать определенную сумму денег для посылки делегатов на сейм и на ведение судебных дел —

посполитые (т. е. члены общины) сократили требование старейшины наполовину (л. 102). В 1684 г. посполитые не согласились на сбор денег на подарок королю (л. 109).

С другой стороны, какие-либо активные действия общины против совета были немыслимы. Ключевые позиции и в общине, и в совете находились в руках богатых патрициев. Открытые выступления представителей общины, обвинявших совет в злоупотреблениях при составлении списков на проведение денежных сборов¹⁸, принадлежали к единичным явлениям. В исключительных случаях (при обсуждении вопроса о денежных сборах) посполитые прибегали к бойкоту заседаний (1669 г.—л. 1,8; 1684 г.—л. 109—110). В ответ на это старейшины решали вопрос без представителей общины. Вполне возможно, что за подобными фактами скрываются не известные нам в подробностях социальные противоречия, несомненно существовавшие в недрах колонии в связи со значительной имущественной дифференциацией.

У нас нет возможности определить, с какой периодичностью созывались заседания совета. При поверхностном рассмотрении протоколов может показаться, что совет собирался не чаще 7 (в 1673, 1680 гг.)—28 (1677 г.) раз в год. В действительности (такой вывод можно сделать на основании некоторых протоколов) совет собирался чаще, чем это отражают протокольные записи. Записи в книге делались только тогда, когда принимались более важные решения. Пропуски записей связаны также с нерадивостью писаря. В постановлениях совета за 1672 г. нашли отражение (л. 28) повторные попытки¹⁹ регламентировать заседания совета, проводить их регулярно два раза в неделю. Вряд ли из этого что-нибудь получилось. Собрания созывались, по-видимому, в зависимости от необходимости, по распоряжению первого директора.

Нельзя сказать, чтобы члены совета отличались особой дисциплинированностью — они довольно часто пропускали заседания, в отдельных случаях бойкотировали их. В 1670 г., когда должен был обсуждаться вопрос о посылке посланца к архиепископу Торосовичу в Рим, на заседание пришло всего лишь 4 старейшины — не пришел даже первый директор (л. 16). Поэтому в протоколах особо подчеркивается наличие полного состава совета при обсуждении вопросов. Решения по важным делам (напр., в связи с борьбой против папской миссии театинцев) могли приниматься только в присутствии полного состава совета.

Полноценное рассмотрение сложной и многогранной деятельности совета возможно только с учетом тех материальных ресурсов, которыми располагал совет и на основании которых он строил свою работу. На первый план выдвигается вопрос об имуществе львовской общины.

¹⁸ В одном из протоколов 1683 г. записано: «Некоторые лица из общины сетуют на то, что среди них имеется много людей, которые не платят сборов в соответствии со своим состоянием и своей торговлей. Таким образом сбивают менее зажиточных людей и накладывают на них большие тяготы» (л. 107).

¹⁹ Впервые подобное постановление было принято в 1653 г. (л. 119).

Львовский армянский патрициат в XVI — первой половине XVII в., а вместе с ним и вся колония не без оснований считались очень богатыми. Во второй половине XVII в. период экономического расцвета колонии был уже позади — на это влияла в первую очередь сложившаяся международная обстановка. Упорная борьба общины против введения унии архиепископом Н. Торосовичем тоже в значительной степени подорвала ее финансовое могущество. «Во время длительной, более чем двадцатилетней борьбы между епископом и народом пропали и были сведены на нет огромные ценности армянской церкви во Львове», — признавал даже враждебный армянам аноним-театинец, автор современного отчета о введении унии армянской церкви на Украине²⁰. Неоднократные контрибуции, которые приходилось выплачивать городу во время его осады украинскими и турецкими войсками в 40—70-х гг. XVII в., также опустошали казну общины. В соответствии с источником дохода все имущество общины можно распределить на четыре группы:

1. Движимое и недвижимое имущество, а также денежная рента, поступающие в распоряжение общины как подарки или как легаты по завещаниям умерших армян.

2. Денежные сборы, оплачиваемые членами общины в виде регулярной или чрезвычайной внутренней подати, а также сборы, поступавшие при приеме новых членов общины.

3. Недвижимое имущество, получаемое в виде видеркафа — своеобразной кредитной операции, распространенной в средневековье²¹.

4. Арендная плата за недвижимое имущество, полученное общиной путем легатов или видеркафов.

Отдельную категорию составляло церковное имущество, которым община владела на правах провизора церковного имущества.

В зависимости от характера имущества, находившееся в распоряжении общины, можно распределить на недвижимости, различные движимые ценности и наличные деньги.

В протоколах упоминается целый ряд домов в пределах стен города, которые являлись постоянной или временной (вследствие видеркафа) собственностью общины. Фрагментарность записей не разрешает определить с полной достоверностью количество жилых домов, которыми владела община. Во всяком случае, в 60—70-х гг. ее собственностью являлось не менее 10 жилых домов, расположенных на Армянских улицах и даже в центре города — на площади Рынок. В 1674 г. община получила в собственность огород в Краковском предместьи (лл. 46, 52); в

²⁰ *Compendiosa relatio unionis nationis Armeno-polonae cum s. ecclesia Romana...* (в дальнейшем — Аноним), в кн.: *Dzieje zjednoczenia Ormian polskich z kosciotem Rzymskim w XVII wieku*, Warszawa, 1876, стр. 133.

²¹ Согласно видеркафу община являлась временным собственником недвижимого имущества, которое передавалось ей за денежную ссуду. Бывший собственник становился арендатором и платил арендную плату. В течение определенного срока он мог возвратить ссуду и получить обратно недвижимое имущество. В противоположном случае оно переходило в постоянную собственность общины.

1679 г.— деревянную лавку на Рынке (л. 90). С более древних времен ее собственностью являлась Тлумачевская (тоже госпитальная) мельница. Община владела недвижимым имуществом даже на значительном расстоянии от города; так, напр., согласно легату ее собственностью являлась часть виноградника, который находился в городе Сучаве (л. 22)²². Согласно легатам община получала в собственное владение («для нужд панов, старейшин и посполитых») или для церквей различные ценности— золотые и серебряные вещи, дорогие ткани и т. п. По завещанию К. Тлумачевой община получила для городской церкви финифтевую цепь, две ризы из дамá, отрез китайки²³ (л. 22). После смерти Я. Юхновичевой община получила в 1675 г. серебряный крест, платок на церковную чашу (л. 53). Купец А. Минязёвич подарил общине два турецких ковра (л. 71).

Наличные деньги поступали в кассу общины из самых различных источников. Здесь была арендная плата за жилые дома, за Тлумачевскую мельницу и огороды. Поступали деньги в счет видеркафов, причем сбор денег по видеркафу не всегда проходил легко — иногда эти деньги приходилось требовать под принуждением (л. 103). Согласно легатам община получала своеобразную денежную ренту — в ее пользу отчислялась часть прибылей, получаемых от сдачи в наем жилых помещений (лл. 68, 69, 71, 80—81), от торговли в лавках (л. 55). Иногда старейшинам приходилось вести длительные судебные процессы для получения от наследников ренты, причитающейся им по завещанию. Так, например, процесс по поводу отказа наследников Ш. Вартесовича платить общине завещанную ренту длился более десяти лет (с 1668 по 1678 г.).

Община получала по традиции определенный сбор при поступлении новых членов. В 1682 г. К. Нургадович преподнес подарок из двух персидских ковров и бунта (15 кожиц) турецкого сафьяна.

Основным источником получения свободных денежных средств, однако, являлись периодические сборы ясахов²⁴. Ежегодная норма, собираемая для покрытия обычных расходов резиденции, устанавливалась в 6 ясахов (согласно нормам, которых придерживались в 60—70-х гг., сумма одного ясаха колебалась между 100—130 злотыми). Наряду с этим «нормальными» ясахами объявлялись сборы для удовлетворения внеочередных расходов, достигавших больших размеров. В 1668 г. был объявлен сбор 10 ясахов для покрытия долгов общины. В 1669 г.—сбор 25 ясахов на подарки в связи с коронацией Михала Вишневецкого (л. 8), в 1671 г.—40 ясахов на подарки в связи с его приездом во Львов (л. 22). В 1762 г. старейшины потребовали 1300 зл. на ведение дел в сейме (л. 24), 3000 зл. на коронацию нового короля Яна III Собеского (л. 41, 46) и 6 ясахов на подарки коменданту Львова Э. Лонцкому (л. 47). Потом последовали дальнейшие чрезвычайные сборы: в 1675 г.—4 ясаха

²² Сейчас в пределах Румынии.

²³ Дамá, китайка — дорогие ткани.

²⁴ Ясах — термин из армяно-половецкого языка, обозначающий сбор, дань, подать. Наряду с термином ясах употреблялся латинский термин *collecta* и польский *składka publiczna*.

на подарок Яну III в связи с его приездом во Львов (л. 58); в 1676 г.—13 ясахов на оборону города (на покупку пороха, л. 66); в 1678 г.—20 ясахов на приезд Яна III и столько же ясахов на коронный сейм в Гродне; в 1681 г.—20 ясахов на сейм и на дела в королевском суде (л. 102); в 1684 г.—отдельный сбор в 2750 зл. на окончание процесса с городом (л. 114, 117) и т. д. Из грубого подсчета видно, что в течение 1668—1685 гг. предполагалось собрать при помощи ясахов большую — особенно для периода экономического упадка колонии — сумму, свыше 30 тысяч злотых, из которых более 28 тысяч предназначалось на чрезвычайные расходы.

Отсутствие документации бухгалтерского типа не дает возможности определить, насколько точно выполнялись требования старейшин, тем не менее кажется, что действительные расходы из ясаховых денег не были меньше указанной суммы. Конечно, сбор ясахов не проходил беспрепятственно. Как указывалось выше, посполитые часто отказывались платить сборы. Они бойкотировали заседания, на которых обсуждались вопросы сборов, требовали их уменьшения. Старейшины, используя свою власть, собирали ясахи насильственным путем, под принуждением, при помощи слуг (например, в 1676 г., л. 63). Однако и это не помогало. Из года в год росло количество недобранных сумм (*retenta*). В неотложных случаях возникала необходимость покрывать расходы из других статей (например, из видеркафовых денег), брать деньги под залог различных ценностей или недвижимого имущества.

В соответствии со своими привилегиями армяне формально были освобождены от государственных податей. Тем не менее они были фактически обязаны платить так называемую донативу, являвшуюся будто бы добровольным подарком купцов в королевскую казну. Сумма донативы, уплачиваемой армянскими купцами, устанавливалась городским управлением (в 1671 г., напр., 416 зл. 20 гр.; в 1672 г.—1700 зл.; лл. 20—21, 24). Сбор денег на эту «добровольную подать» проводился независимо от сбора ясахов.

Стоит вкратце остановиться на тех расходах, которые покрывались из денег общины. Большие средства, собираемые путем ясахов, затрачивались в первую очередь на подкуп высокопоставленных лиц, от протекции которых зависело решение судебных и других дел в пользу львовских армян. Наиболее распространенными (и, по-видимому, наиболее благоприятно действующими в нужном направлении) «подарками» были персидские ковры. В 1664 г., когда дело о притеснении львовских армян разбиралось в королевском суде, община подарила великому коронному канцлеру М. Пражмовскому два ковра; два ковра получил также некий пан Радзейовский²⁵ «за [защиту] общественных дел» (л. 44). Еще два ковра получило в 1669 г., во время коронации Михала, какое-то неизвестное лицо. Тогда же подарили ковер великому коронному гетману

²⁵ Возможно, Гиероним Радзейовский, политический авантюрист, пользовавшийся поддержкой польской королевы Марии-Людвиги.

Я. Собескому (будущему королю Яну III). Два ковра получил львовский староста М. Мнишек (л. 71). В 1675 г. пан Галецкий²⁶ «за некоторые дела» получил два ковра и имел обещанных еще два (л. 58).

Перечисленные выше суммы ясахов дают общее представление о том, в каких масштабах проводилось распределение подарков среди коронованных лиц, высших сановников государства, сенаторов. Глубокая коррупция всей административной и судебной системы в феодальной Польше второй половины XVII в. являлась причиной того, что армяне только путем подкупов и подарков добивались удовлетворения своих вполне законных требований, вытекающих из пожалованных им ранее королевских привилегий.

Несравненно меньше денег затрачивалось на содержание резиденции (жалование писарю, синдикю, слуге), городского госпиталя, приходской школы, ремонт принадлежащих общине зданий, помощь бедным членам общины.

Совет вел различные самостоятельные финансовые операции, смысл которых становится более ясным при рассмотрении финансовой организации общины.

Свободные денежные средства, поступавшие различными путями, хранились в кассе. Один ключ от кассы находился у старейшин, второй — у представителей общины. Деньги из кассы выдавались исключительно по постановлению старейшин (л. 2). Кроме кассы, в резиденции находилась общественная сокровищница, в которой хранились серебряные и золотые вещи, поступающие по легатам (лл. 22, 90). В 1675 г. в ней находилось, например, десять серебряных чаш (л. 56). Поломанная золотая чаша была продана в 1681 г. (л. 102).

Община принимала ценные вещи и денежные обязательства на временное хранение (как депозит) в так называемый депозитарий (л. 27), который находился в ведении двух старейшин. Сдача ценностей и денежных документов на хранение в общину считалась вполне надежным делом. В депозитарий общины поступили в 1682 г. денежные документы Яна III — квитанции на большую сумму, около 25 тысяч злотых (л. 104). Несомненно, со сдачей ценностей в депозит были связаны определенные финансовые операции, выгодные для обеих сторон.

В 70-х гг. XVII в. неоднократно обсуждался проект создания общественной кассы (пол. *całbona publiczna*) — фактически банка. Дискуссия о проекте, поданном Л. Кжиштофовичем, тянулась годами (с 1671 по 1681 гг.) и банк так и не был основан (лл. 23, 75, 79—80, 102).

Совет, в распоряжении которого находились все финансовые средства общины, мог, несмотря на сложное экономическое положение, в котором находилась колония, мобилизовать в нужный момент значительные денежные суммы. При отсутствии денег в кассе сдавались в залог ценные вещи (лл. 60, 70). В 1685 г. совет получил 1000 зл. под залог Богушевского дома (л. 116). Турачевский дом был продан в 1670 г. за

²⁶ По-видимому, королевский секретарь Ян Галецкий (см. А. Wójcicki, *Herbarz polski*, cz. 1, t. 5, Warszawa, 1906, стр. 356).

5000 зл. (л. 15). Старейшины учитывали колебания рыночных цен на драгоценные металлы — в 1679 г., в связи с повышением цен на серебро, были проданы серебряные вещи из сокровищницы (л. 90). Временные денежные затруднения вынуждали старейшин занимать суммы для удовлетворения срочных нужд. Кредиторами в таких случаях становились богатые патриции. Большие затруднения возникли в 1672 г., когда контрибуция, наложенная на город турками, опустошила казну общины. В этом же году Л. Кжиштофович одолжил 33 красных дуката на подарок посланцу эмниадзинского католика и 40 красных дукатов на поездку в Варшаву для решения вопроса о захваченных турками армянах-заложниках (лл. 50—51, 66). М. Дер-Симонович дал займы 100 зл. на отправку делегата в Варшаву. Тем не менее община гораздо чаще выступала в роли займодавца. Так, сумма задолженности городского управления армянской общине составляла в 1668 г. 3530 зл. (л. 120). Община выдавала ссуды отдельным лицам — этой привилегией пользовались особенно сами старейшины и вообще представители патрициата. В 1671 г. М. Дер-Симонович получил заем в 1000 зл. (л. 21), несколько лет спустя — А. Минязёвич — 500 зл. (л. 112). В 1680 г. старейшины одолжили Я. Августиновичу (тоже члену совета) 1000 зл. из денежной фундации киевского армянского купца Сефера Бодура, которая находилась в их распоряжении.

Совет старейшин нередко становился посредником между государственной казной и богатыми купцами. В 1675 г., когда казна нуждалась в деньгах на уплату жалования литовским войскам и на другие военные расходы, она получила займы от общины 9000 зл. (л. 58). Эти деньги в распоряжение общины предоставил купец А. Минязёвич.

Рассмотрение экономической базы совета приводит к выводу, что несмотря на все осложнения международного характера, несмотря на попытки города ограничить автономию армян, финансовый потенциал общины обеспечивал ей прочное место в жизни города. Благодаря этому в упорной борьбе между армянской общиной и городским управлением армяне смогли сохранить свое самоуправление, а в 80-х гг. даже добиться частичного уравнивания в правах с католическим населением города.

Отдельную группу составляло церковное имущество, находившееся в распоряжении совета юридически согласно многовековым традициям. Если в XVI—начале XVII в. никто не ставил под сомнение эти права совета и общины, то в период после принятия унии с Римом на этой почве участились столкновения между советом и архиепископом. То, что община являлась собственником всего церковного имущества, ставило местную армянскую церковную иерархию в материальную зависимость от нее. Архиепископ вынужден был считаться с этим и потому делал все возможное для того, чтобы освободиться от неприятной зависимости. Как ни старалась община на каждом шагу подчеркивать, что она имеет все права на церковное имущество, является его провизором — фактически ее права все больше и больше ущемлялись и уже в 80-х гг. архиепископы начали самолично распоряжаться значительной долей церковного

имущества. Как бы то ни было, формально в ведении общины находились все церковные (кафедральный собор святейшей деви Марии в городе, церкви св. Креста, св. Анны и часовня св. Иакова в пригородах) и монастырские (женский монастырь св. Рипсимэ в городе и недействующий мужской монастырь в пригороде) здания, а также кладбище и постройки на нем.

В 60—70-х гг. община распоряжалась еще всем церковным движимым имуществом. Периодически проводился переучет церковных облачений, инвентаря и церковной сокровищницы (особенно в кафедральном соборе, лл. 3, 45, 102). Совет распределял пожертвования (легаты) среди львовских церквей. В руках старейшин находились фондации, т. е. завещанное недвижимое имущество и денежные суммы, прибыли от которых ежегодно распределялись среди священников с условием отслужения панихид и других молений в память усопших. Прибыли с аренды Тлумачевской мельницы, например, поступали частично на содержание священников монастыря (л. 42). Точная величина имущества фондов и той их части, которая направлялась на церковные нужды, не поддается определению.

В соответствии с компетенциями упомянутых выше «ведомств» совета распределялось церковное имущество и его прибыли. Хранителям церковной казны и провизорам общественных церковных доходов подчинялся кафедральный собор, четырем ереспоханам — имущество монастыря (с церковью св. Анны и часовней св. Иакова) и церкви св. Креста.

Старейшины занимались сбором денежных пожертвований во время церковных богослужений. В их руках находились так называемая церковная сумка и церковная миска, в которые собирались пожертвования (л. 44). Община получала также так называемое позвонное (пол. *rodzwońne*) — т. е. сборы за колокольный звон во время свадебных шествий, похорон.

Служители культа, почти полностью лишены материальной самостоятельности, всецело зависели от милости совета, определявшего им не только жалование (в счет церковных сборов, фондов, пособий из касс церковных братств), но даже местожительство. Относительной (по отношению к общине) самостоятельностью в экономическом отношении владело только высшее духовенство (архиепископ, епископы), получавшее жалование из Рима и обладавшее иногда личным имуществом. Миссия театинцев, получавшая от своих учеников плату за обучение в коллегии, а также субсидии из Рима, была полностью независима от совета старейшин.

Рассмотренное положение с церковным имуществом и церковными доходами, отражавшее взаимоотношения между общиной и церковью, господствовавшие на протяжении XIII—XV вв., нашло свое подкрепление в реформационных течениях, широко распространенных в Польше и на Западной Украине во второй половине XVII в. Реформация, как известно, выступала за усиление гражданского начала в церковной жизни.

и укрепляла зависимость служителей культа от своих прихожан. С окончательной победой контрреформации в Речи Посполитой была полностью восстановлена независимость церковных учреждений от светской власти. Во второй половине XVII в., после укрепления унии армянской церкви на Украине с Римом, вопрос об уничтожении зависимости церкви от общины был поставлен на повестку дня.

Деятельность совета старейшин условно можно рассматривать в двух плоскостях. Во-первых, это его административная деятельность внутри общины; во-вторых, его взаимоотношения с государственными, административными и другими учреждениями. Протоколы дают обширный материал для рассмотрения обеих сторон деятельности совета, из которых большой интерес вызывает, несомненно, его «внешняя» сторона.

Среди вопросов внутреннего характера, разбором которых занимался совет, наибольшее место занимали дела, связанные с распределением наследства умерших членов общины, а также дела об опеке над малолетними сиротами. Старейшины выполняли функцию коллективного исполнителя воли умершего и в связи с этим описывали оставшиеся ценные вещи и документы (л. 4), распределяли не только легаты, но и имущество умерших между наследниками (л. 94) и т. п. Совет как «высший опекун сирот своей нации» (л. 78) назначал опекунов (лл. 40, 79, 112, 113, 116 и др.), заслушивал их отчеты, заменял одних опекунов другими (л. 111).

С опекунской деятельностью совета близко смыкались его филантропические мероприятия. Совет назначал денежные пособия неимущим членам общины (л. 5), предоставлял бесплатно квартиры в их пользование (л. 108). К сожалению, столь интересная сторона деятельности совета, как содержание госпиталей²⁷, не нашла достаточного отражения на страницах протоколов. Известно только, что во Львове были два армянских госпиталя — один в пределах городских стен (так называемый городской), второй — в Краковском предместьи, около армянского монастыря (монастырский). В 1672 г., во время осады города турками, монастырский госпиталь был, по-видимому, разгромлен — во всяком случае, в 1675 г. он не действовал (л. 55). На содержание монастырского госпиталя шла часть арендной платы за Тлумачевскую мельницу (л. 44). Городской госпиталь также был далеко не в блестящем состоянии — на его ремонт приходилось выколачивать деньги от членов общины, а в 1682 г. наконец для этой цели были ассигнованы деньги из видеркафов (л. 103).

На совет ложилась забота о сохранности церковных и общественных зданий. В 1670 г., благодаря заботам совета, была реставрирована колокольня городской церкви (л. 18). Строились и ремонтировались

²⁷ Под госпиталем не обязательно нужно понимать заведение лечебного типа. В средние века в этот термин вкладывалось также понятие дома для престарелых. В связи с этим нельзя согласиться с утверждением Л. А. Оганесяна (см. его кн. История медицины в Армении с древнейших времен до наших дней, ч. 3, Ереван, 1946, стр. 148), рассматривавшего львовский госпиталь исключительно как лечебное заведение.

стены городского кладбища (лл. 2, 30). Совет занимался ремонтом монастыря св. Рипсимэ (л. 101), госпиталя (лл. 103, 112), жилых домов, принадлежащих общине (л. 110). Во время реставрации и перестройки часовни и ризницы при городской церкви, проводимых в 1670 г. на средства богатого купца Л. Матнашевича, совет вместе с епископом-суффраганом Я. Керемовичем (замещавшим Торосовича, уехавшего в Рим) разработал подробный проект строительства, в котором отразились его утилитарно-эстетические воззрения на церковную архитектуру: «Церковную дверь оставить на прежнем месте, ниши замуровать. В этих нишах сделать окна с решеткой и крепкими железными ставнями. Восточные ворота, через которые входили со стороны кладбища на галерею, надо заделать наглухо» (л. 14)²⁸.

Старейшины наряду с церковной верхушкой несли ответственность за работу приходской школы, в которой дети должны были изучать основы армянского языка. Как указывалось выше, в 1669—1670 гг. в состав совета входили два школьных смотрителя. После смерти одного из них, очень образованного представителя львовской армянской колонии, Г. Капрусевича, интерес совета к деятельности школы погас. По-видимому, школа работала со значительными перебоями. Из других источников известно, что в конце 60-х годов учителями (лат. *magister*) приходской школы, которая находилась уже под контролем театинцев, были воспитанники последних, священники Г. Захнович и О. Асланович²⁹. Позже школа бездействовала и потому во время переговоров, которые в конце 1674—начале 1675 гг. велись между общиной и епископом-суффраганом — со стороны старейшин было выдвинуто требование, «чтобы наши дети проходили начальное обучение на нашем армянском языке и одновременно на латинском» (л. 48). Этот вопрос не был тогда решен — и только в 1676 г. совместным решением совета и архиепископа Торосовича священник К. Муратович был назначен учителем школы (л. 67).

В фактическом подчинении совета находились церковные братства — религиозные объединения армян, возникшие при церквях под влиянием широко распространенных украинских братств. В протоколах упомянуто молодежное братство непорочного зачатия деви Марии и братство взрослых св. Григория. Братства имели в своем распоряжении определенные денежные средства, которые хранились в «братских ларчиках» и расходовались по указанию совета на содержание священников (лл. 7, 16). Этим, по существу, исчерпываются административные функции совета, находившие себе применение внутри общины.

²⁸ Цитированный отрывок имеет большую ценность для исследования истории построенной в XVI в. армянской городской церкви во Львове — единственного в своем роде памятника архитектуры в Восточной Европе, сохранившегося до наших дней.

²⁹ А. М. *Pidou*, *Początki i postępy kolegium papieskiego we Lwowie...* В кн.: *Dzieje zjednoczenia Ormian polskich z kościołem Rzymskim w XVII w.*, Warszawa, 1876, стр. 110—111.

Внешняя деятельность совета связана с двумя первостепенной важности вопросами, от решения и дальнейшего развития которых зависела не только роль колонии в общественной и экономической жизни города, но и перспективы дальнейшего ее развития как отдельного национального организма. Два вопроса стояли в центре внимания всей «львовской армянской нации» во второй половине XVII в.: с одной стороны, борьба против засилья католического патрициата, пытавшегося уничтожить автономию общины и ликвидировать ее экономический потенциал, с другой — борьба против введения унии с Римом и одновременно против уничтожения древних армянских национальных традиций, против денационализации армянского населения.

Основные этапы борьбы львовской общины против всеусиливающегося наступления католического патрициата на автономные права общины известны: в XV в. последовало упразднение армянского войта, в XVI в. — сужение компетенции армянского суда, во второй половине XVI — начале XVII в. — ограничение экономических привилегий армян. С моментом окончательной победы контрреформации в Польше (конец XVI в.) к этому присоединились религиозные преследования. Сложившиеся обстоятельства ловко использовало городское управление, не без основания рассчитывавшее на поддержку со стороны всемогущей в Речи Посполитой католической церковной иерархии.

В борьбе между советом старейшин и городским управлением, во время которой фактическое существование львовской колонии ставилось на карту, допускались все возможные методы. В соответствии с существовавшими в это время «обычаями» в судах армяне вынуждены были искать окольные пути для решения судебных дел в свою пользу. Потому в протоколах столь часто упоминаются денежные сборы на подарки высокопоставленным лицам, рассматриваются пути для ускорения прохождения дел по различным инстанциям. Судебные разбирательства тянулись годами и даже десятилетиями. Все это требовало от общины не только значительных денежных расходов, но и создания настоящей агентурной сети в высших судебных инстанциях, при помощи которой в нужный момент можно было справиться о состоянии дел. Еще в период 1645—1650 гг. какой-то пан Лапинский снабжал львовских армян необходимыми сведениями (например, о возможном введении подушной подати на армян) — за эти услуги он получил «желтую кожу» и один ковер (л. 31). В Варшаве армяне содержали информатора, некоего пана Сатковского, который считался «покровителем армянских дел» (1683 г., л. 107). Насколько необходимы были подобные методы борьбы, ясно показывает эпизод, имевший место в октябре 1677 г. Старейшины получили из Варшавы сигнал, что «решение, которое паны радные [городского управления] подготовили против нас, они должны были получить из королевской канцелярии». «Хотя удалось предупредить это, — заявили старейшины, — и они не получили подписи его королевской милости, тем не менее необходимо приложить все усилия к тому, чтобы добиться поло-

жительных результатов и они (т. е. радные—Я. Д.) не осуществили столь вредное дело, направленное против нашей нации» (л. 77).

Вот краткий перечень столкновений между общиной и городом, которые нашли отражение на страницах протоколов. В 1673 г. городские власти без ведома старейшины закрыли ювелирную лавку в Бернатовическом доме и арестовали ювелира (л. 73). Разбирательство дела тянулось несколько лет и в 1678 г. дошло до королевского суда, который должен был решить вопрос о том, имеют ли армяне право продавать определенные виды серебряных изделий (л. 85). Одновременно тянулось разбирательство иска общины против городского управления, незаконно требовавшего податей, а также другим образом ущемлявшего привилегии армян (лл. 89, 91, 93, 99, 102, 107, 111, 114 и др.). Иск переходил из одной инстанции в другую и только на восьмой год был решен в пользу армян³⁰, которые добились некоторого улучшения своего положения в городе (хотя до полного равноправия было еще далеко). Начиная с 1686 г. совет направлял одного члена в комиссию десяти, ведавшую финансами города, двух — в комиссию для сбора подымной подати и трех — в так называемое стрелецкое общество³¹. Шесть членов совета ежегодно освобождалось от податей. В 1684 г. несколько видных членов общины было арестовано по распоряжению бургомистра Д. Вильчека. Таким образом было положено начало новому судебному процессу, длившемуся с 1685 по 1692 г. Выиграли в конечном счете армяне³².

Несомненно, взаимоотношения между городским управлением и советом не исчерпывались судебными делами. Заседания армянского суда проводились в ратуше (местопребывании городского управления), и старейшины постоянно соприкасались с городскими властями. В ратуше старейшины — как присяжные армянского суда — ежегодно приносили присягу (л. 41). Старейшины посылали двух делегатов в коллегия рецуператоров в ратуше (лл. 46, 76), а также рекомендовали новопоступивших членов общины городскому управлению для получения прав городского гражданства (лл. 73, 76, 99, 115).

В своей борьбе против городского управления армяне умело использовали противоречия, существовавшие между городским патрициатом и феодалами. Феодалы-магнаты, настоящие короли в своих огромных латифундиях, враждебно смотрели на укрепление городской власти и всячески препятствовали этому. В лице некоторых феодалов армяне приобретали покровителей и союзников. Кроме этого, они пользовались поддержкой королей, особенно более дальновидных из них, понимающих значение армянских торговых связей с Востоком для развития экономической жизни в Польше. Несомненно, отношения между армянами и королем, а также верховными (коронными) учреждениями не строились

³⁰ Королевское решение по поводу этого дела опубликовано в кн. F. Bischoff, *Urkunden zur Geschichte der Armenier in Lemberg*, Wien, 1865, стр. 131—147.

³¹ Стрелецкое общество — привилегированное объединение горожан-католиков, занимавшееся военной подготовкой жителей города.

³² F. Bischoff, цит. работа, стр. 148—152.

исключительно на системе подарков-взяток. Тем не менее эти отношения не были столь бескорыстными и идеальными, как это пытались представлять некоторые историки. Отношения между Яном III (протекционизм которого по отношению к армянам общеизвестен) и армянами базировались на взаимной выгоде. Если, с одной стороны, армяне в определенной степени могли рассчитывать на благосклонность короля при разборе судебных и других жалоб, Ян III часто пользовался кредитом, который ему предоставляла армянская верхушка.

Взаимоотношения армянского патрициата (особенно той его части, которая ради сохранения своих экономических выгод пошла на принятие унии), магнатов и центральной власти необходимо отличать от отношения армянских низов к польской феодальной и церковной верхушке. Заправляющему делами общины совету, конечно, хотелось при каждом удобном случае подчеркивать свои верноподданнические чувства. Среди неимущих и малоимущих армян было много приверженцев древних национальных и религиозных обычаев и не особенно много сподвижников унии и католицизма. Эти внутренние противоречия нашли свое выражение в отказе армянского населения принимать участие в торжественных встречах магнатов, высокопоставленных церковных сановников и даже королей. Для предотвращения бойкота встречи короля Михала старейшины в связи с его приездом во Львов в 1671 г. приняли постановление о наказании возможных виновных 50 зл. штрафа и тюремным заключением (л. 21—22). Подобное постановление было принято в 1678 г. в связи с приездом короля Яна III (л. 84). На ослушавшихся армян, которые в 1676 г. отказались встречать львовского старосту Я. Цетнера, был наложен денежный штраф (л. 63). Штрафу были подвергнуты также те члены общины, которые в 1682 г. не вышли встречать львовского римско-католического архиепископа К.-С. Липского, а в 1684 г. — львовского старосту А.-М. Сенявского (л. 111). Во время встречи архиепископа Липского дело дошло до вооруженной схватки между армянами и католическим населением. Армяне рассеяли горожан и только после того, как против них был брошен отряд войск, вернулись в свой квартал³³.

Взаимоотношения между советом старейшин и армянской униатской верхушкой во Львове были очень сложными. И в самой общине, и в совете существовали группировки, поддерживавшие идею унии с Римом, и выступавшие против нее. Подобное положение существовало и среди духовенства. Сам архиепископ в 40—60-х гг., учитывая настроение общины, вынужден был лавировать между Римом и Эчмиадзином и был склонен к какому-то компромиссному решению. Обстановка изменилась коренным образом после приезда в 1664 г. во Львов папской миссии театинцев, возглавляемой известным итальянским востоковедом и ревностным пропагандистом унии среди армян Великой Армении К. Галяно. К меркантильным соображениям армянской верхушки, рассчитывавшей

³³ S. Baracz. Rys..., стр. 128—129.

после принятия унии сохранить свои экономические привилегии и упрочить свое место в городе, примешивались политические соображения — неясные мечты о том, что Рим способен сколотить антитурецкую коалицию и освободить угнетенный армянский народ.

Приезд театинцев обострил внутреннюю борьбу. С периодом колебаний, когда Торосович формально подчинялся Риму и одновременно поддерживал хорошие отношения с эчмнадзинским католикосом и константинопольским патриархом, было покончено. В совете старейшин, большинство членов которого (также из личных соображений) относилось враждебно к Торосовичу, с приездом театинцев окрепла проримская группировка, возглавляемая Г. Капрусевичем. Однако с того момента, когда выяснилось, что архиепископ и его заместитель стремятся любой ценой — в соответствии с принципами организации римско-католической церкви — избавиться от контроля старейшин и прибрать церковное имущество в свои руки, обстановка еще больше накалилась. Совет старейшин, даже проримски настроенные его члены, ни в коем случае не соглашался идти на столь большие уступки, в результате которых сам попал бы в зависимость от церковной власти.

В конце 60-х гг. под влиянием этих факторов отношение совета к идее унии заметным образом изменилось. В определенной мере оно начало отражать враждебность основной массы армянского населения к идее подчинения церкви владычеству папы, упразднения древних обычаев и обрядов. Патриотические тенденции деятельности совета нашли выражение во многих его решениях и действиях.

Подробное рассмотрение материала протоколов опровергает выдвинутый буржуазно-клерикальной историографией тезис о том, что «личная уния» Торосовича (с 1630 по 1664 гг.) после приезда театинцев на Украину сменилась в 1664—1665 гг. «унией народа». Даже наиболее зажиточная верхушка колонии, которая только в незначительной степени отражала стремления и чаяния армянских низов, в 70—80-х гг. XVII в. отнеслась враждебно к реализации унии на местах в целом, и к деятельности театинцев в частности. Недаром значительная часть армянского населения Украины, опасаясь насильственного введения унии, эмигрировала из пределов Речи Посполитой в более веротерпимые страны (в Молдавию, Венгрию).

27 сентября 1668 г. совет старейшин в связи с очередной поездкой Торосовича в Рим, рассматривал вопрос «об отрыве нашей нации от своей церкви» и вынес решение: «просить его милость отца архиепископа предотвратить это» (л. 3). Конечно, подобное обращение не могло подействовать на столь беспринципного человека, каким являлся Торосович, тем не менее оно характерно для настроений совета (в составе которого находилась ведь проримская группировка!) и общины в это время. Через две недели совет сделал следующий шаг. 11 октября 1668 г., в день отъезда Торосовича в Рим, старейшины отказались снабдить его верноподданническим письмом, написанным от имени общины папе Клименту IX (л. 3). После отъезда Торосовича, которого удалили ловкие

театинцы (архиепископ с его склонностью к компромиссам никак не способствовал укреплению унии), между общиной и этими последними возникло состояние войны. Интриги театинцев, которые добились отсрочки утверждения привилегий львовской общины королем Михалом в 1669 г., чуть было не привели к открытому взрыву народного возмущения³⁴.

Негодующая община требовала возвращения Торосовича, который в Риме очутился под домашним арестом. Предпринимаемые советом меры — попытка отправить в 1670 г. своего посланца в Рим (л. 16), посылка писем архиепископу с призывом к возвращению (л. 17) — оказались бесплодными. Проримская группировка, возглавляемая Г. Капрусевичем, опиравшимся не только на театинцев, но и на всеильное римско-католическое духовенство, снова подняла голову. Ее участники разгоняли собрания армян, выступавших против национально-религиозных притеснений. Новый (после смерти К. Галяно) руководитель миссии, французский монах Л.-М. Пиду де Сент-Олон (в дальнейшем епископ и французский посланник в Иране) безуспешно пытался маскировать истинные цели театинцев.

Совет старейшин, подталкиваемый общиной, пошел на более решительные меры. Старейшины постановили выдворить театинцев из Львова и потребовали от них освободить занятые под миссию и коллегию помещения около церкви св. Креста³⁵. 4 марта 1671 г. на совместном заседании совета и всей общины было принято торжественное решение о бескомпромиссной борьбе против театинцев и местной верхушки униатской церкви. «Совет армянской нации,— записано в постановлении собрания,— совместно со всей общиной и неотделимо от нее, повсюду там, где необходимо, будет расправляться с указанными милостями³⁶ за их неправильные действия и поступки» (л. 20).

Силы были неравные. Общине не от кого было ждать помощи — да и жаловаться приходилось «по инстанциям», т. е. по существу тем, кто всячески поддерживал театинцев. От жалоб, которые направлялись королю Михалу и папскому нунцию кардиналу Г. Марескотти (постановление совета от 22 января 1671 г., л. 18) или папской консистории (постановление от 4 марта 1671 г., л. 20) нечего было ждать положительных результатов. Обнаглевшие театинцы принялись за перестройку захваченных помещений — это снова вызвало бурную реакцию со стороны общины. Длительные переговоры между советом и театинцами, происходившие в мае-июне 1672 г. (лл. 28—30), также оказались безрезультатными. Театинцы укрепили свои позиции — и дальнейшие жалобы совета, который неоднократно в 1677, 1678 и 1681 гг. (лл. 76, 85, 95) ставил во-

³⁴ Аноним, стр. 171.

³⁵ Это помещение было предоставлено театинцам под давлением римско-католического архиепископа В. Корыцинского, великого коронного гетмана Я. Собеского и воеводы провинции Руссии С. Я. Яблоновского, в присутствии которых был подписан соответствующий договор (л. 30).

³⁶ Имеется в виду епископ-суффраган Я. Керемович, замещавший Торосовича, и руководители театинцев Л.-М. Пиду и Дж. Багатта.

прос о возвращении общине зданий около церкви св. Креста, не принесли ровно ничего.

Борьба, которая разгорелась вокруг помещений коллегии театинцев, выдвинула на первый план вопрос о праве архиепископа и епископов распоряжаться церковным имуществом. Театинцы игнорировали права общины, подчеркивая, что захват помещений состоялся по согласию местной армяно-униатской иерархии. После фактического проигрыша дела советом, был создан прецедент для того, чтобы Торосович и (после его смерти в 1681 году) его наследники могли постепенно прибирать церковное имущество к своим рукам.

Материал протоколов превосходно иллюстрирует постепенное ограничение реальных прав совета на церковное имущество. Еще в 1668 г., когда Торосович единолично разрешил богатому армянскому купцу Л. Матнашовичу провести ремонт часовни и ризницы кафедрального собора, запрет старейшин подействовал. Л. Матнашович вынужден был принести свои извинения совету, а строительство началось только после компромиссного решения совета и епископа-суффрагана, совместно утвердивших программу реконструкции (лл. 6, 7, 14). В 1668 и 1674 гг. старейшины еще могли распорядиться произвести переучет церковных ценностей. В 1674 г. они еще были в силах отказать Л.-М. Пиду в передаче ключей от церкви св. Креста (л. 76).

Постепенно церковники берут верх. Церковные ценности в 1675 г. перешли в руки специально назначенных священников-ризничных — представители совета только формально подтверждают их назначение и присутствуют при передаче ценностей (в 1676, 1677, 1684 и 1685 гг., лл. 65, 80, 110, 116). Протесты совета о том, что «выборы ризничного принадлежат радным», а не архиепископу (1677 г., л. 79), прозвучали впустую. В 1677 г. по указанию Торосовича старейшины передали ризничному поступления от сбора пожертвований (церковную сумку) и от колокольного звона (л. 74).

К середине 80-х гг. в области церковных дел у старейшин остались только одни обязанности (содержание священников, ремонт церковных помещений) и ровно никаких прав. В сентябре 1685 г. епископ-администратор Д. Нерсесович отнял у совета ключи от церковной ризницы (л. 117), которые, по-видимому, никогда больше не возвратились в руки старейшин.

Постепенное, но неуклонное сужение компетенций совета старейшин в церковной области коснулось, конечно, не только материальной стороны. Старейшины лишились какого-либо влияния на решение персональных вопросов, к которым они, по многовековой традиции, имели самое тесное отношение. В 60—70-х гг. кандидаты в священники еще изредка обращались к совету за поддержкой у архиепископа или епископа. В 1669 г. в совет обратился дьякон Онуфрий с просьбой, «чтоб он, по древним обычаям, мог получить разрешение на сан священника» (л. 6). В 1673 г. и 1677 г. по этому же вопросу обращались дьякон Ю. Мисирович и Л. Кобачовский (лл. 39, 76); да и то последний только доводил до

сведения совета, что он принимает духовный сан. В то же самое время целый ряд других лиц принял сан униатских священников, не считая чужным сообщить об этом совету. В 80-х гг. никто уже не обращался за рекомендацией к совету. Старейшины лишились также какого-либо влияния на распределение приходов, которое ранее (до 60-х гг.) находилось исключительно в их компетенции.

Исход борьбы между общиной и верхушкой армяно-униатской церкви был предрешен. В столь ультракатолической и нетолерантной стране, какой в XVII в. являлась Речь Посполитая, театинцы и униаты могли рассчитывать на полную поддержку со стороны всех ее административных и судебных учреждений. При столь неравном соотношении сил сопротивление совета и общины — каким решительным оно бы ни было, — не могло продолжаться долго.

На фоне борьбы общины против введения унии в новом свете вырисовываются ее связи с григорианскими церковными центрами. Сложная международная обстановка, постоянные военные действия на территории Украины, да и внутренние неурядицы в среде самой армяно-григорианской церкви очень осложняли связи Эчмиадзина со Львовом. Тем не менее отдельным посланцам католикоса удавалось пробраться во Львов. Оппозиционно настроенный совет, несомненно отражая симпатии более широких слоев населения, оказывал материальную поддержку представителям католикоса, пересылал при их помощи подарки и денежные сборы в Эчмиадзин. Когда в период между 1645 и 1650 гг. к польскому королю направлялись посланцы-нвираки эчмиадзинского католикоса — совет ассигновал 450 зл. на отрез золотканного материала для украшения их повозки (л. 31). В начале 50-х гг., по-видимому, с чашей, подарком общины католикосу Филиппосу, уехал из Львова писарь Кжиштоф. В 1672 г. посланец католикоса Акопа IV Габриель Богосович получил 33 злотых как «подарок и пожертвование католикосу» (лл. 27—28, 35). По поводу прибытия во Львов в 1677 г. другого посланца католикоса Акопа IV — епископа-вардапета Аристакаса был объявлен всеобщий сбор пожертвований, в результате которого было собрано 120 зл. Характерно, что в сборе пожертвований принимал участие также представитель Торосовича — униатский священник К. Муратович (л. 76).

Сохранились сведения о связях общины с армяно-григорианским патриархатом в Иерусалиме. В 1683 г. был объявлен сбор пожертвований в связи с отъездом иерусалимского нвирака Саркиса (л. 107). Неизвестный по имени нвирак получил в 1685 г. для передачи в Иерусалим легаты двух умерших львовских купцов — 100 «левковых» талеров³⁷.

К сожалению, внутреннее содержание этих связей общины с григорианской церковной иерархией не нашло отражения в источнике. Переговоры старейшин с представителями католикоса и патриарха, несомненно, относились к разряду секретных, и сведения о них не могли вноситься в официальную документацию.

³⁷ Талеры с изображением льва.

Отдельную сторону деятельности совета составляют его связи с другими армянскими колониями на Украине. В отношении некоторых из них (Луцк, Киев, Варяж) львовская колония играла своеобразную «шефскую» роль — небольшое количество армянских поселенцев этих городов передало защиту своих прав и управление общинным имуществом в руки более сильной львовской общины.

Особенно тесными были связи между советом и колонией в Луцке. Совет старейшин управлял всем имуществом луцкой колонии (селем Цеперов, мельницей в этом селе, лл. 26, 27, 38—39, 86, 87 и др.), назначал жалование священнику церкви св. Стефана (лл. 21, 45, 103), собирал деньги на нужды луцкой церкви (л. 6).

Совет принял на себя управление финансами небольшой колонии в городе Варяж. Денежный фонд великого коронного конюшего М. Матчинского (собственностью которого являлся город), определившего в 1682 г. размер жалования местному армянскому священнику, находился в руках совета (л. 104).

Львовские купцы поддерживали торговые связи со своими соплеменниками, проживавшими в городах Ярославе (лл. 8, 17) и Язловце (л. 8), в которых в это время существовали довольно многочисленные колонии.

Трагическая судьба Каменца Подольского, захваченного в 1672 г. турками, вызвала большой приток армянских эмигрантов во Львов. Львовские старейшины приняли на себя защиту прав беженцев — в 1677 г. они представили их пожелания львовскому городскому управлению (лл. 76—77). Некоторые из беженцев были приняты в состав львовской общины (л. 74).

Протоколы дают очень мало материала для освещения взаимоотношений между армянами и коренным украинским населением, а также другими национальностями. Правда, подобные «межнациональные» связи не осуществлялись советом — их надо искать во взаимоотношениях частных лиц. Только отдельные упоминания о подобных связях нашли отражение в источнике. В период 1645—1650 гг., когда община находилась во временных финансовых затруднениях, ее кредитором был львовский горожанин Степан — украинец, одолживший совету 550 зл. (л. 31). Украинцы упоминаются в роли арендаторов села Цеперов, а также мельницы в этом селе (лл. 26—27). В 1668 г. армяне вместе с украинцами входили в состав делегации от города Львова, отправлявшейся на варшавский сейм (л. 1).

Как это ни странно, ни о каких-либо связях между армянами и польским населением города протоколы не упоминают.

На основании протоколов можно совершенно четко судить об общих тенденциях национального развития львовской общины. Полонизация колонии отразилась на ряде любопытных деталей. Исчезают армянские имена и патронимические фамилии — на их месте выступают польские имена и полонизированные фамилии. Украинские и тюркские (половецкие, татарские) наслоения, характерные для имен и фамилий украинских:

армян в XIV—начале XVII в., уступают место польским влияниям. Эти перемены осуществлялись как раз во второй половине XVII в. Так, например, один из самых богатых львовских купцов Бернат К. Бернатович после получения польского шляхетства переименовал имя и фамилию на Бернард Бернацкий³⁸. Писарь общины переименовал украинизированную фамилию Иваськович³⁹ на более индифферентную — Лыськевич.

Подобная эволюция наблюдается в области общественно-административной терминологии. Армянские и армяно-половецкие термины — ясах, ереспохан, нвирак и др. постепенно были вытеснены польскими и латинскими — *składka*, *director*, *posłaniec*. Характерный для первой половины XVII в. (и для более раннего времени) термин хуц, употреблявшийся для обозначения совета старейшин, в протоколах совершенно не встречается. Обилие латинских и польских терминов (не говоря о том, что вся внутренняя документация совета велась на польском языке) является несомненным доказательством укрепления польского культурного влияния на армянское население, особенно на его имущую верхушку, которая и не думала о каком-либо серьезном противодействии ассимиляции. Лучшим подтверждением преобладания подобной тенденции в общественно-национальной жизни колоний явилось дальнейшее их развитие.

60—80-е гг. XVII вв. — переломный момент в жизни украинских армян. Армянские колонии очутились под тройным ударом. Экономические основы их существования были подорваны резкими переменами в социально-экономической и политической жизни Украины и Польши. Духовные связи колоний с их далекой закавказской Отчиной были прерваны экспансией римско-католической церкви и последовавшей за ней денационализацией армян. И если только в одном отношении — в административно-судебной области — армянской верхушке удалось временно отстоять обломки автономии, то это была настоящая Пиррова победа, за которую пришлось уплатить национальной самобытностью.

Протоколы армянского совета старейшин во Львове 1668—1686 годов — ценнейший документ жизни армян в столь напряженный период их истории на Украине. Этот исторический источник первостепенной важности заслуживает дальнейшего исследования и изучения.

ՅԱ. Ռ. ԳԱՇԿԵՎԻՉ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԻՆՔՆԱՎԱՐՈՒԹՅՈՒՆԸ ԼՎՈՎՈՒՄ 17-ՐԳ ԳԱՐԻ 60—80-ԱԿԱՆ
ԹՎԱԿԱՆՆԵՐԻՆ

(Հայ ափազնների խորհրդի արձանագրությունները որպես
պատմական սկզբնաղբյուր)

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Հոդվածում քննարկման է ենթարկվում պատմական մի բացառիկ սկզբնաղբյուր՝ Լվով քաղաքի հայկական գաղութի ափազնների խորհրդի 1668—1686

³⁸ S. Baracz, *Żywoty...*, стр. 75.

³⁹ Ивасько — украинская диминутивная форма от Иван.

թվականների նիստերի արձանագրությունների գիրքը, որն այժմ պահվում է Ուկրաինական ՍՍՀ կուլտուրայի մինիստրության կլովի գիտական գրադարանում: Այդ սկզբնաղբյուրի մեջ արտացոլված են հարյուրամյակների ընթացքում կլովի հայկական գաղութի ինքնավարության օրդան հանդիսացող ավագների խորհրդի հասարակական-քաղաքական և վարչական պարտականությունները: Սկզբնաղբյուրի հիման վրա բննարկված են գաղութի սոցիալական կառուցվածքի, խորհրդի և գաղութի ներքին տնտեսական ու մշակութային կյանքը ղեկավարող նրա հիմնարկությունների առաջացման հարցերը, արվում է խորհրդի ֆինանսական տնտեսության վերլուծությունը: Մեծ ուշադրություն է դարձվում Ուկրաինայի հայ եկեղեցին հոռմեական եկեղեցուն ենթարկելու կապակցությամբ տարվող պայքարի ուժեղացման ժամանակ լվովահայության վարչա-դատական ինքնավարության պահպանման պայքարում խորհրդի կատարած դերին և նրա դիրքորոշմանը: Հեղինակը ուսումնասիրում է նաև խորհրդի Հայաստանի հետ ունեցած կապերի և Ուկրաինայի հայկական այլ գաղթավայրերի նկատմամբ նրա ղեկավար դերի հետ կապված հարցերը:

I. R. DACHKEVITCH

LA COLONIE ARMENIENNE AUTONOME DE LVOV DANS LES ANNEES 60—80 DU XVIIe SIECLE

(Une source historique: Les Protocoles du Conseil arménien des Anciens)

Le présent article est consacré à une source historique unique: le Livre des Protocoles des séances du Conseil des Anciens de la colonie arménienne de Lvov de 1668 à 1686 qui est actuellement conservé à la Bibliothèque scientifique du Ministère de la Culture de la R. S. S. d'Ukraine à Lvov.

Cette source donne un tableau des attributions sociales, politiques et administratives de ce même Conseil qui fut, durant quelques siècles, l'organisme central de la colonie arménienne autonome de Lvov.

L'auteur étudie la structure sociale de la colonie, ainsi que les facteurs ayant contribué à l'établissement du Conseil et de ses différents départements chargés de gérer la vie économique et culturelle de la colonie, et nous soumet une analyse des affaires financières du Conseil.

L'article nous éclaire de même sur maints aspects de l'activité du Conseil: sauvegarde de l'autonomie, mesures administratives et juridiques, position adoptée dans la question de la soumission de l'Eglise arménienne d'Ukraine à la papauté de Rome, liens et rapports avec l'Arménie, son rôle dans les autres colonies arméniennes d'Ukraine.